

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/850351>

В тот день шел снег.

Направленность: Слэш

Автор: [Me and my valuable friend \(https://ficbook.net/authors/108354\)](https://ficbook.net/authors/108354)

Беты (редакторы): Qqq (<https://ficbook.net/authors/15075>)

Фэндом: Ориджиналы

Пейринг или персонажи: Артем/Саша

Рейтинг: PG-13

Жанры: Драма, POV, Учебные заведения

Размер: Мини, 14 страниц

Кол-во частей: 4

Статус: закончен

Описание:

"Я влюблен наверно в самого brutального гомофоба в мире. Но это никак не мешает мне подсовывать шоколадки ему в сумку и наблюдать как он радостно их находит" (Взято с Подслушано).

Посвящение:

Автору заявки.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Так как желание автора заявки удовлетворено, и множество милых ориджей написано, надеюсь, что меня не будут ругать за столь явное отклонение от пожеланий Sloth and lust.

ТОС

ТОС	2
Часть 1.	3
Часть 2.	5
Часть 3.	7
Часть 4. Последняя	11

Часть 1.

Клянусь Богом, это не надоеет никогда. Ты снова удивляешься, нащупав в кармане зимней куртки очередное лакомство, подложенное, как ты думаешь, прекрасной незнакомкой. Знал бы ты, кто именно пытается порадовать тебя изо дня в день уже в течение нескольких месяцев. Знал бы ты, кто пытается привлечь твоё внимание. Знал бы ты, что я испытываю глядя на то, как счастливо светятся твои глаза, когда ты разворачиваешь неизменную плитку молочного шоколада. Но, к моему счастью, ты не знаешь. Впрочем, и к своему счастью. Уверен, ты не стал бы церемониться с «каким-то педиком», а запросто отпинал бы меня в каком-нибудь тихом местечке, отгороженном от чужих глаз. Да, наверное, ты бы так и сделал.

Какая ирония, - усмехнулся я, - я влюблен в самого brutального гомофоба в мире. Что ж, ты ненавидишь таких как я. Я не виню тебя. Раньше я тоже ненавидел «голубков», хотя со временем я понял, что меня раздражают не они, а мое представление о них. Меня бесили их яркие наряды, кричащие о том, как они гордятся своей ориентацией. Мне не нравилась их манера разговаривать: противное цоканье при произношении буквы «т», намеренное растягивание гласных (не так, как у Драко Малфоя - у него это в придачу к чистокровности), вечно повышенные тона. Меня тошнило от их ненатуральности. И я сейчас не о любви к своему полу говорю, а о том, как они лезли из кожи вон, чтобы как можно сильнее стать похожими на девушек. Да, именно. Я не понимал, зачем говорить, что ты гей, если сам похож на бабу, следовательно, ты не гей. Ты извращенец какой-то.

Сейчас же я не испытываю ничего из вышеперечисленного, вовсе не потому, что сам отнес себя к таким, как раз наоборот. Я понял, что не все люди одинаковые, и вешать на всех ярлыки – верх глупости. Я выгляжу как типичный подросток, в моей внешности нет ничего вызывающего. Нет ничего, что делало бы меня похожим на женщину. Я все так же люблю играть в видеоигры и заниматься всякими «мужскими» делами, вместо походов, как я думал, в гей-клубы и магазины с гейской одеждой. Боже, каким же я глупым был, представляя людей такими, как мне хотелось, вместо того, чтобы открыть глаза и не лезть не в свои дела. Да уж, теперь уже поздно раскаиваться.

Самое время жалеть себя, ведь я не думал, что мне придется ответить за свою ненависть. Не думал, что судьба жестоко отомстит за несправедливые мысли в моей голове. Не думал, что влюблюсь в мужчину. Да еще и в такого. Ведь ты так похож на прежнего меня.

Мы знакомы уже одиннадцатый год, но не являемся лучшими друзьями. Ты просто мой одноклассник. Знаешь, я до сих пор не знаю, почему так. Единственный мой друг как раз сидит с тобой на математике, и иногда вы переговариваетесь, хотя я раньше не придавал этому значения. Наверное, твоим другом является Дима, с которым ты постоянно ходишь по школе, хотя я все равно не уверен, что он твой друг. Ты знал, что почти всегда выглядишь угрюмым? Так вот, это правда. Ты вообще выглядишь так, будто у тебя нет друзей. Странно, но я только сейчас понял, что почти никогда не видел тебя нигде, кроме школы. Ну и пусть. Она будет нашим местом.

Ты нечастоходишь просто поговорить со мной ни о чем. Обычно такое случается только на репетициях к какому-либо школьному празднику или тогда, когда ты хочешь обсудить что-то связанное с физикой. Тебе почему-то кажется, что я в ней разбираюсь.

Что ж, мне это даже льстит. Хотя бы можно послушать твой голос лишний раз или же рассмотреть линию губ. Кстати, у тебя красивые губы. Наверняка, ты и не задумывался об этом. Ты, видимо, вообще не задумываешься о таких вещах. Или же я совсем плохо тебя знаю.

Я отлично помню тот день, когда впервые начал думать о тебе слишком много. В тот день мы ставили спектакль для младших классов. Я играл прекрасного принца, растопившего сердце холодной леди, а ты играл дерево. Да, я не понимаю, почему не наоборот, ведь мой актерский талант сравним разве что с умением Тони Старка вышивать крестиком. Хотя, неудачный пример: Тони разносторонне развитая личность. Сам процесс выступления был занимателен, дети громко смеялись, хлопая в особо смешные моменты. После выступления, когда мы низко кланялись, улыбаясь во все тридцать два, многие маленькие зрители выбежали на сцену, чтобы поделиться впечатлениями, поболтать и обсудить все интересующее со старшеклассниками, и тогда я увидел девочку в инвалидной коляске. Она счастливо улыбалась, смотря на искусственное дерево. На тебя, то есть, а ты пытался пробраться из толпы, чтобы потом взять свою сестру на руки и немного покружить, наслаждаясь счастливым детским смехом. В тот момент твое извечно угрюмое лицо просветлело и мне стало стыдно. Накатило ощущение того, что я увидел что-то совсем личное, что-то особенное. В моей груди кольнуло.

Твоя улыбка до сих пор снится мне даже чаще чем сны о ЕГЭ.

В тот день шел снег. А я чувствовал, что в моей душе лето. Было как-то жарко и все время хотелось улыбаться неизвестно чему. Я много думал о тебе так, как не думал никогда ни о каком парне. Как ни странно, я не чувствовал, что с интересом к тебе мой мир рушится, я только лишь хотел снова увидеть твою улыбку. Хотел стать ее причиной. Тогда-то я и нашел твое уязвимое место, кроме сестры, конечно. Ты очень любил шоколад.

Часть 2.

Я методично подкладывал в твой портфель молочный шоколад одной и той же марки, чтобы ты знал, что такой дарю тебе только я. Вдруг кому-то еще взбредет в голову влюбиться в тебя. Потом я уходил, убегал, исчезал в страхе, что ты можешь увидеть меня в непосредственной близости с твоей сумкой или курткой и догадаться, что это делаю я. Это я тайком подкармливаю тебя.

А потом, дождавшись звонка, сидел в классе и прожигал взглядом твою спину, молясь, чтобы ты обнаружил шоколадку при мне, а не дома. Чтобы я смог насладиться сменой эмоций на твоём безучастном обычно лице. Чтобы я смог впитать твою улыбку, запомнить каждый её лучик. Ведь я словно энергетический вампир, словно маньяк, жду твоей реакции, чтобы получить порцию адреналина. И если было бы можно, я хотел бы навсегда остаться в том моменте, когда тырываешь упаковку этого проклятого молочного шоколада.

Я буду гореть в аду за свои мысли.

Сегодняшний день обещал быть особенным. Это я понял ещё по тому, как странно сложились хлопья в моем завтраке, а моя кошка злобно уставилась на меня. В школу я дошел без приключений, встретив по пути Лешу. Он снова был весел и часто улыбался, но я-то знал, что его родители разводятся и он жутко грустит, когда никого нет рядом. Что ж, нравится ему притворяться - пусть притворяется дальше.

Так как мы с тобой в разных группах по английскому, то я не имел чести созерцать твоё угрюмое лицо целых два урока. Это огорчало, но я терпел, чувствуя тяжесть шоколада в кармане. И одна только мысль о том, что я касаюсь упаковки, которой через два урока коснешься ты, заставляла сердце биться чаще.

Говорят, серийные убийцы подсознательно хотят, чтобы их обнаружили, чтобы их обвинили в содеянном, чтобы весь мир узнал, кто совершал все эти преступления. Мне иногда кажется, что я такой же. Ну, я не убиваю людей, но как бы страшно не было представлять, что ты сделаешь со мной, когда узнаешь обо всем, я все равно тайком хочу, чтобы ты узнал. Хочу каждой частичкой своей мазохистской души. Я знаю, что тогда настанет конец всему, но не могу перестать надеяться на лучший исход. А что, если...

Нет. Никакого «если».

Придурок.

На уроке алгебры Татьяна Васильевна вызвала тебя к доске. Я знаю, что ты терпеть не можешь производные, но каким-то чудом ты верно решил задание. Скоро ЕГЭ, а я думаю не о графиках производных, а о том, как долго ты выбираешь мел или о том, как хороши твои брови, когда ты хмуришься.

Кажется, это у меня серьезно.

Ты любишь клетчатые рубашки, и на уроке литературы я разглядывал твою широкую спину, изучая эту самую клетку. Через десять минут прозвенит звонок, и я смогу снова подложить шоколад в твой рюкзак, ведь ты уйдешь в столовую с Димой.

Все-таки я рад, что он у тебя есть. До того, как он перевелся в нашу школу, ты вообще всегда оставался в классе, а теперь он тебя вытаскивает, а я могу ежедневно поддаваться своим гомосексуальным порывам в твоё отсутствие и наслаждаться созерцанием твоего лица в итоге.

- Тём, - Леша ткнул в меня карандашом, - Вознесенский и кто?

- Евтушенко.

Звонок. Я даже радуюсь этому как-то обреченно. Конечно, с моей одержимостью можно считать меня больным. Быть может, я и в правду болен. А что, если и так? Тогда мне надо сделать что-то, и я выздоровею. Перестану любить тебя. Ведь это неправильно. Так не должно было случиться. Только не со мной. А что, если я и в правду болен? Ведь мне не нравятся мужчины, мне нравишься только ты. Может, я выздоровею?

Я незаметно проскальзываю в лаборантскую в надежде, что Людмила Ивановна не захочет ни с того ни с чего менять свой обычный график и пить кофе на большой перемене. Нет, не захотела.

Как только я слышу звук проворачивающегося ключа в замке и громкой тишины в классе, я выхожу из прикрытия, на ходу доставая ставший уже родным сверток с молочным шоколадом. Так, дело осталось за малым. Поднимаю взгляд на твою парту и в ужасе останавливаюсь, после чего слышу глухой звук ударяющейся о пол шоколадки и такой же тихий звук твоего голоса:

- Артём?

Часть 3.

Первобытный страх, казалось, сковал все мое существо, заставляя задыхаться, словно от удара в солнечное сплетение. В голове разрастался какой-то гул, не давая мыслям пробиться через невидимую преграду. И только одно слово стучало набатом в помутненном сознании: «Конец. Конец. Конец». Мои ноги стали какими-то ватными, а руки не слушались. Я хотел сказать тебе что-то, что могло меня оправдать. Мог бы попытаться соврать или превратить все в шутку. Но я так боялся момента, когда ты все поймешь. Этого самого момента. Поэтому не смог, как будто какие-то высшие силы отняли у меня способность говорить, и я только чувствовал, как дрожат мои губы в попытке что-то произнести и как холодно глядят на меня твои обычно голубые глаза, которые сейчас приняли цвета грозового неба.

Как же стыдно.

Ты смотрел словно сквозь меня, а твое лицо приобрело болезненный землистый оттенок. Ты так ненавидишь меня, что выглядишь так, будто тебя стошнит.

Как же больно.

Ощущая, как сотрясается моя грудная клетка от частых ударов сердца, которое, казалось, было в горле и мешало вздохнуть, как следует, я оторвал вмиг потяжелевшие ноги от пола и забежал в лаборантскую, дрожащими руками запираясь изнутри на щеколду. Было страшно как никогда. И стыдно перед тобой. Боже, как же стыдно. Что же я наделал?

Надо было молча переболеть тобой. Это бы прошло! Что же я наделал? Я сам все испортил.

Я стоял, прислонившись спиной к двери, будто страшась, что ты сейчас ее выбьешь, а мои ноги дрожали, словно я вешу целую тонну и они не могут больше держать меня.

Наверное, я совсем сошел с ума. Ведь я знаю, что ты там за стеной, и ровно тридцать секунд назад застал меня на месте преступления, а я резко перестал думать об этом. Будто вместе с закрывшейся дверью я отделился от всего мира, и теперь нахожусь в какой-либо другой вселенной с такими необычными занавесками. Действительно, странный рисунок. Нежно голубые занавески едва прикрывали окно, свет из которого высвечивал рисунок, вышитый заботливыми руками. Или швейной машинкой. Большое окно. Такое большое, что я смогу пролезть в его раму.

Стоп, придурок. Третий этаж, соберись Артем, ты же не хочешь сломать себе что-нибудь.

А действительно.

Блин, я что, с собой разговариваю?

Неуверенный, словно ты в сомнениях, стук в дверь прервал мои размышления и заставил оторвать, наконец-то, взгляд от этих дурацких голубых занавесок.

Я глубоко вздохнул и прикрыл глаза на секунду. Голова закружилась, и я с обреченностью осознал, что мои руки мелко дрожат. Кто бы сомневался.

- Ты что, заснул там? – сердце забилось быстрее, как только я услышал твой голос. Он был таким же тихим, но заставил вынырнуть из какого-то мутного состояния и понять, что все происходит на самом деле.

Я не смог ответить сразу, потому что чувствовал, что мой голос выдаст мое волнение. Судя по шороху твоей одежды и глухому звуку, я понял, что ты сел на пол, прислоняясь спиной к обратной стороне двери. Это почему-то умилило меня. Но я не придавал этому значения: меня умиляет даже матерящаяся бабулька с третьего подъезда, так что не стоит думать об этом.

- Артем.

Боже, как же я теперь в глаза ему смотреть буду!?
А никто и не просит меня смотреть ему в глаза. Мы вообще в разных комнатах.

- Артем, ответь.

Я тихо сел на пол, вытягивая ноги, которые тут же уперлись в стену (слава проектировке школы!), и прислонился головой к двери, чувствуя себя придурком. Странно нравилось знание того, что ты, возможно, сидишь так же и, если бы не дверь, мы бы касались друг друга спинами. Я поуютнее устроился, представив на мгновение, что моя голова лежит на твоём плече. Я просто сумасшедший маньяк.

Боже, спаси, сохрани!

- Артем, не веди себя так.

Как? Что мне ответить? Кажется, что бы я ни ответил, будет звучать глупо.

- Артем, я слышу, как ты дышишь. Перестань.

- Дышать перестать? - я не удержался, честное слово.

- Нет, идиот, вести себя так перестань, - мне кажется, что я слышал твой тихий смех, но, может быть, показалось.

- Как вести? – решил косить под дурачка - играй свою роль до конца.

- Ну, во-первых, открой дверь... - ага, еще чего.

- Нет, что во-вторых?

Тяжелый вздох за спиной.

- Во-вторых, я ничего не сделаю тебе, - голос становился тише, - давай поговорим.

- Давай поговорим, - согласился я.

Все равно нам осталось где-то тринадцать минут до того момента, как дверь откроется и толпа одноклассников ввалится в класс, громко переговариваясь, а мне придется выйти из своего укрытия.

Только при всех ты не будешь меня бить, я знаю это.

- Итак, - еще один вздох, - это ты? – гениальный вопрос, Александр, садись, «пять»!

- Да, это я, - каков вопрос – таков ответ, как говорится.

- Прекрати паясничать, я серьезно, - ты нервничаешь, я слышу, как ты стучишь пальцами по полу. Знал бы ты, как я нервничаю. Мне дышать трудно.

- Ответ тот же, - уже нет смысла выкручиваться.

- Так, это выяснили, - ты чихнул? – Ты что-то чувствуешь ко мне?

Казалось, тишину можно было резать ножом. Такой осязаемой и всепоглощающей она была. Момент истины. Я представлял его себе другим.

- Будь здоров! – ай да я!

Облегченный смех за стеной стал наградой за мою находчивость.

- Я не чихал, прекращай увиливать, - вот же блин!

- Да.

- Что... да?

- Да, я «что-то чувствую к тебе», - отличный безжизненный голос, Артем. Будто я не в любви признаюсь, а в убийстве твоей собаки.

- Так это ты убил моего Пикселя?- удивленный возглас из-за двери заставил икнуть от неожиданности.

Я что, это вслух произнес?

- Твою собаку кто-то убил? – наверное, неподдельное изумление в моем голосе тебя позабавило.

- Нет, у меня не было собаки. Я шучу.

Я не мог придумать, что сказать.

- Ты хочешь назвать собаку Пикселем?

- Ну, вообще-то нет, это первое, что пришло мне в голову, когда я собирался пошутить, - гениально, - Однако, я до сих пор и не понял, что ты чувствуешь ко м...

- Я люблю тебя, - перебиваю, боясь, что потом не смогу сказать это.

Легче. Стало легче. Ну что же, теперь ты знаешь.

Ты опять затихаешь. Наверное, больше всего на свете я бы хотел увидеть твое лицо сейчас. Но хорошо, что я не вижу. По крайней мере, я не вижу твоего отвращения и могу представить, что ты приятно удивлен. Да, уже представил, кстати. Мне нравится.

- И давно? - так тихо, что мне сложно различить интонацию. Я не могу понять, зол ты, расстроен или же ты в шоке. Блин, почему так тихо?

- Да, - почему я не нервничаю больше?

- Хм... послушай, Артем, - ты вздыхаешь, - давай мы попробуем это исправить. Не знаю, может, на какие-то курсы сходим или перестанем общаться на время. Может, помолишься? Я уверен, это пройдет. Это как вирус какой-то. Так же противно и легко вылечить, как думаешь?

Вирус? Противно? О, Боже, ну ты и придурок, Саша.

Угораздило же влюбиться в такого тупого придурка.

Как же больно.

Звонок.

Часть 4. Последняя

Все будто в каком-то дурацком фильме для тринадцатилетних девчонок. Я считал, что готов к такой реакции, что твои слова не причинят мне боли, унижения, потому что я ожидал их. Я знал, что по-другому не будет. По-другому и быть не может. Ты гомофоб, а я не знаю что. Я не гей, видимо, но как назвать парня, который влюблен в другого парня? Только гей. Ладно, я гей. Хотя нет, я какой-то Сашеман.

Всё как по сценарию. Уже седьмой день сижу дома, потому что боюсь идти в школу. Раньше я обсирал главных героев фильмов, когда они так поступали, но сам делаю то же, что и они. Это вовсе не значит, что я не буду их обсирать, когда это всё закончится. А когда всё закончится? Не знаю. Скорее всего, когда мама поймет, что я симулирую, а не болею, и отправит меня в школу.

Вернувшись, я сделаю вид, что ничего не произошло. А если ты вдруг подойдешь ко мне, чтобы поговорить об этом, я притворюсь, что ничего не знаю, ничего не было. Ведь действительно ничего не было. И вообще, даже если ты захочешь унижить меня при всём классе, рассказав о моем шоколадном гейском нападении, я буду отнекиваться и врежу тебе разок. Тогда тебе точно не поверят, ведь я похож на гея так же, как и ты. Не похож вообще.

Осторожный стук в дверь. Я вздрогнул от неожиданности и шумно стукнул мышкой по столу. Кстати, где коврик?

- Тём, к тебе пришел одноклассник, выходи, - тихо сказала мама, ежесекундно оборачиваясь в сторону кухни. Полотенце в руках подсказало, что она сильно занята готовкой.

Странно, Лёша звонил утром, сказал, что придет завтра. Сегодня у него тренировка. Может, что-то случилось?

Надо надеть футболку, мало ли что. Вышел из комнаты, пытаюсь поправить беспорядок на голове, и не сразу заметил тебя. Ты стоял у входной двери с розовым пакетом в руках и внимательно рассматривал нашу ключницу. Может, стоит сбежать, пока ты меня не заметил? Глупо, я же все продумал.

Состроив самую безучастную гримасу, я холодно проговорил:

- Здравствуй.

Ну, вот. Теперь я заставил тебя вздрогнуть. Боишься меня? Я думал, мне стоило бояться тебя.

- Привет, Артем. Лёша сказал, что ты болеешь, - твои глаза настороженно изучали мое лицо. Хочешь найти следы страха или слез?

- Да, а ты здесь зачем?

- Я должен был сказать, что пришел тебя проведать, но я пришел не за этим. Хочу

поговорить, можно? – ты вопросительно указал на коридор за моей спиной.

Зачем тебе заходить внутрь? Мне не о чем говорить с тобой.

- Проходи, - твое лицо добавляет уверенности мне и холода в мой голос. Идеально.

Я прошел в свою комнату, гадая, снял ли ты обувь или же нет. В тот момент это казалось очень важным. Кивнув на свою кровать, я сел в глубокое черное кресло у рабочего стола и наблюдал за твоими действиями. Ты, немного помявшись на пороге, оглядел по очереди внушительную стопку дисков на столе, книжный шкаф, занимающий почти всю стену напротив кровати и, наконец, посмотрел на меня, присаживаясь на самый край кровати, ближе ко мне.

Почему ты ведешь себя так, будто находишься в логове чудовища?

Секунд тридцать ты усиленно делал вид, что изучаешь рисунок на обоях, но я видел, что твои пальцы мелко дрожат. Что ж, хотя бы не у меня одного.

- Артем, - твой взгляд опустился куда-то в сторону моих ключиц, - я хотел извиниться за то, что наговорил тебе тогда. Я был неправ.

- Что, прости? – все мое безразличие спало так же стремительно, как окрасились твои щеки в насыщенный красный цвет.

- Я прошу прощения за свои слова, идиот, - ты слегка улыбнулся, глядя теперь мне в глаза, пытаюсь скрыть смущение. – Я говорил со своим психологом насчет тебя. Не волнуйся, я не называл твоего имени, - быстро добавил ты, увидев мое шокированное лицо, - так вот, она посоветовала пересмотреть мои взгляды на все это и, вообще это долго рассказывать, но еще она сказала, что гомофобия - это латентный гомосексуализм. Открытое осуждение – есть страх собственных предпочтений, - казалось, повторил ты заученную фразу, - и бла-бла-бла. Прости меня.

Сказать, что я удивлен – ничего не сказать. Я в шоке.

- Это что же получается, - осторожно начал я, - ты только что сознался в том, что ты гей? – еще немного, и я не удержусь от глупого смешка.

Ты выпучил глаза как святоша при виде проституток и, захлебываясь воздухом от возмущения, почти что проорал:

- Нет, ты что! Я просто хотел сказать, что ты не похож на гея, а я не знаю, кто я, поэтому пришел, и я не знаю, что еще сказать, поэтому скажи что-нибудь, скорее.

Я затрясся в приступе хохота, только лишь взглянув на твое раскрасневшееся лицо и губы, которые начали расплываться в улыбке.

- Ты сам-то понял, что сказал? – Господи, как легко стало на душе. – «Я не знаю, кто я», - передразнил его я, снова засмеявшись. Какой же он, блин!

- Ладно, прекращай, у меня уже щеки болят, - ты все еще выглядел смущенным. – Блин, как-то по-гейски звучит, да?

- Это ты прекращай, я не могу больше смеяться.

Ты шутиливо отвесил поклон, приподняв несуществующую шляпу и вновь посмотрел на меня долгим взглядом, что-то взвешивая в уме.

- Артем, а как ты понял, что ты... ну, этот, сладенький? Ты не похож на них.

Ну, вот и началось. Лучше бы еще пошутил, и то пользы было бы больше.

Я встал и принялся расхаживать по комнате. Так удобнее, когда на тебя кто-то пялится.

- Во-первых, что ты подразумеваешь под словом «гей»?

- Ну, парня, который любит задницы других парней.

- Гениально, тогда я не гей, наверное, - неуверенно произнес я, затыкая тебя взмахом руки, прекрасно зная, что ты хочешь сказать. – Скажем так, мне не нравится больше ни один парень.

- Серьезно?

- Вполне, я проверял.

Я отчетливо слышал, как скрипят шестеренки в твоём мозгу, что-то обдумывая, а потом ты схватил меня за запястье и заставил посмотреть в твои невозможные глаза.

- Тогда я тоже хочу проверить.

- Что, прости? - я не понимаю, что это за день такой. Мы в параллельной вселенной?

- Ну, я неделю думал над словами психолога и решил, что надо всё проверить. Поможешь?

- Как? – тупо таращился на него, не понимая, что хочет от меня этот ненормальный.

- Хм, - твой взгляд упал на мой живот, а после ты усадил меня на кровать рядом с собой, - я думаю, тебе следует поцеловать меня.

- Ты шутишь? Если да, то это несмешно, - я серьезно вглядывался в твое лицо в поисках чего-то, что могло тебя выдать. Ничего. Ты так же серьезен, но глаза блестят, а руки все еще мелко дрожат.

- Нет, я хочу, чтобы ты сделал это, и я убедился, что я не гей.

- А если...

- Тогда я поплачу недельку дома и приму всё как есть.

- Ладно, если ты хочешь проверить, я тем более не против, - я усмехнулся. Это же как подарок на рождество! Так же неожиданно и приятно. Только бы не облажаться. - Послушай, я тоже не делал этого с парнем, поэтому...

- А как же ты проверял?

- Ну, журналы, интернет, - блин, ничего другого спросить нельзя было? Думаю, мое лицо сейчас напоминает помидор.

- О, ладно. Заодно и ты проверишь, вдруг, показалось?

- Хм, ладно, - знал бы ты, сколько времени я влюблен в тебя. Такое не может показаться, придурок.

- Ну, начинай, - тихо произнес ты, глубоко вздохнув и посмотрев на мои губы. По спине пронесся табун мурашек. Нельзя так смотреть!

Я скинул тапки на пол и полностью повернулся в твою сторону, уставившись на твои брови. Они были прекрасны, к слову.

Твои глаза были широко распахнуты, и в их синеве виднелся интерес к происходящему, а грудь твоя вздымалась размеренно. Ты не боишься?

Я же, напротив, весь издергался, наклоняясь к тебе по миллиметру, и ежесекундно вдыхая новую порцию воздуха.

- Прекращай так нервничать, - тихо произнес ты, не сводя с меня изучающего взгляда.

- Глаза закрой, ты меня...

- Смущаю? – улыбка ненадолго озарила твое лицо, а мне стало немного легче.

- Еще чего. Просто закрой глаза. И рот, заодно, - теперь уже я улыбался.

- Заставь меня, - произнес ты прежде, чем понял, что именно.

- Как скажешь.

Я одним рывком наклонился к тебе, положив руку на шею для удобства, и вложил в последний взгляд всю нежность, которую испытывал к тебе уже долгое время, надеясь донести до тебя то, что для меня этот момент значит многое.

А потом просто притянул тебя за шею к себе и легонько коснулся твоих губ своими. Мурашки продолжили свой забег вдоль моего позвоночника, а я провел языком по твоей

нижней губе, молча умоляя приоткрыть рот, чтобы я смог углубить поцелуй. Ты слегка разомкнул губы, и я, наконец, смог втянуть нижнюю, слегка укусить и тут же лизнуть, почувствовав, что ты вздрагиваешь. Я резко отстранился, затуманенным взглядом обводя твое лицо.

- Что?

- Еще. Я не понял, - хрипло произнес ты, неожиданно положив руку на мой затылок, и потянул на себя, впиваясь в губы требовательным, изучающим поцелуем, от которого закружилась голова, а колени подогнулись бы, если бы я стоял. Мое сознание весело унеслось куда-то в район седьмого облака, в животе образовался тугий узел, а руки сами потянулись к твоим волосам, притягивая тебя ближе. Я совсем не помню, как забрался к тебе на колени. Не помню, как твои руки оказались под моей футболкой. Зато отчетливо помню, как офигительно правильно было то, что твой язык хозяйничал у меня во рту, а мои легкие горели от недостатка кислорода. А потом раздался первый стон, от которого вся кровь устремилась в пах, а глаза испуганно распахнулись.

Увидев, в каком положении я нахожусь, быстро слез с твоих колен, поправляя задравшуюся футболку, и уставился на тебя. Твои волосы торчали в разные стороны, будто ты только проснулся, голубые глаза подернуты светлой дымкой, а щеки пылали. Насыщенного красного цвета губы, приковывали взгляд, а я, как маньяк, снова захотел поцеловать их. Что, собственно, и сделал, резко наклонившись и быстро коснувшись их снова, пока ты не успел ничего предпринять.

- Ну, как? – спросил я, вспомнив, зачем мы все это затеяли.

- Не понял. Еще, - ты схватил меня за руку, снова усаживая на кровать и закрывая глаза, потянулся за поцелуем. Ну как тут отказать?! Я, как под гипнозом, снова притянул тебя за волосы и теперь, отняв инициативу, вел в поцелуе, покусывая, стараясь запомнить каждый миг, чтобы потом смаковать в воспоминаниях. Все повторилось с точностью, и я отстранился, когда твои руки обхватили мое лицо, и ты промычал что-то в мои губы.

- Ну, как? – сознание явно не хотело возвращаться, а потому я спрашивал не в силах даже открыть глаза. Я только сумел прервать поцелуй, прикоснувшись своим лбом к твоему, пытаюсь унять головокружение и дрожь под коленками. Ты тяжело дышал, я чувствовал это на своей коже и улыбался. Улыбался, не зная, что происходит в твоей голове. Улыбался только потому, что уже свершилось даже больше всех моих мечтаний. Я так долго хотел поцеловать тебя.

Ты схватил меня за плечо, отстраняя, а я, наконец, смог открыть глаза, внимательно рассматривая все те же изменения, произошедшие в твоём лице. Да, определенно, румянец тебе идет.

- Я думаю, мне пора, - немного хриплым голосом отозвался ты. Что, теперь все? Я хотя бы попытался. - Приду через неделю, когда вдоволь наплачусь и смирюсь. Не забудь приготовить букет ромашек для меня. Кстати, мне теперь придется слушать попсу и носить розовый?

Прежде чем я понял, что ты имеешь в виду, я оказался вновь прижатым к тебе, а твои губы вновь целовали мои.

- Все, я пошел, - шепотом оповестил меня, отстранившись.

- Иди, - дурацкая улыбка озаряла мое лицо, и я чувствовал, что еще немного и я счастливо засмеюсь и начну прыгать по комнате с совершенно дурацким визгом.

- Ну, в последний раз, чтобы быть уверенным, - я снова оказался втянутым в нежный поцелуй, ощущая себя самым счастливым человеком на земле. - Всё, теперь точно пошел.

- Пока.

- Пока, - опять поцелуй.

- Все, вали уже.

- Да, иду, - снова.

Через несколько таких «самых последних поцелуев» ты, наконец, ушел, а я почувствовал, что если не закричу, то просто взорвусь от переизбытка эмоций. Поэтому подбежал к компьютеру и включил самый жесткий рок на полную громкость, чтобы заглушить мой счастливый крик, и отдался в волю эмоциям.

Я не знаю, что будет завтра. Не знаю, что будет потом. Знаю только, что сделал все, чтобы вполне оправданно любоваться твоими рубашками, ловить твои редкие улыбки и слушать твой тихий голос. И хоть сейчас уже давно не зима, но в моей душе по-прежнему лето. Как-то тепло, и все время хочется улыбаться неизвестно чему.